

НИКОЛАЙ
ЛЕЙКИН

Наши за границей

МОСКВА

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

НИКОЛАЙ
ЛЕЙКИН

Наши за границей

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Л42

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В коллаже на обложке использованы
фрагменты открыток начала XX века

Лейкин, Николай Александрович.

Л42 Наши за границей / Николай Лейкин. — Москва :
Эксмо, 2025. — 416 с. — (Всемирная литература
(с картинкой)).

ISBN 978-5-04-209176-6

Николай Лейкин (1841–1906) — незаурядный петербургский писатель-юморист, журналист и издатель. Он был широко известен русскому читателю во второй половине XIX века.

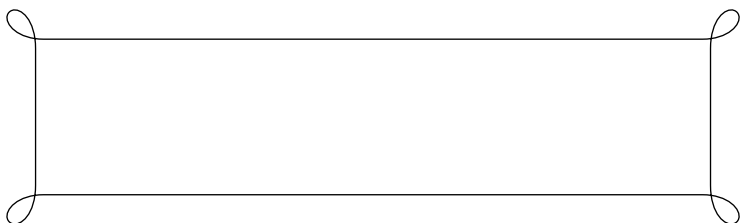
Произведение «Наши за границей» — одно из самых известных произведений писателя, которое неоднократно переиздавалось. В основу сюжета легла легкая и веселая история о поездке купца Николая Ивановича Иванова и его жены Глафиры Семеновны во Францию на знаменитую Всемирную выставку в Париже, для которой была построена Эйфелева башня. По дороге герои неоднократно попадают в курьезные ситуации и недоразумения — юмор Николая Лейкина действительно смешной и актуальный по сей день.

Первая книга из цикла о путешествиях Николая и Глафиры Ивановых (Франция).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-209176-6

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Неметчина

Переехали русскую границу. Показался прусский орел, изображенный на щите, прибитом к столбу. Поезд подъехал к станционному зданию. Русские кондукторы в последний раз отворили двери вагонов. Послышалась немецкая речь. Стояли два откормленных немца в черных военных плащах со множеством пуговиц по правую и по левую сторону груди и в касках со штыками. «Ейдкунен!» — возгласил кто-то, проглатывая слова. Виднелись вывески со стрелами и с надписями: «Herren», «Damen». Пассажиры стали снимать с полок ручной багаж и начали выходить из вагонов. В числе их были и молодой купец с женой, купеческое происхождение которого сказывалось в каждой складке, в каждом движении, хотя он и был одет по последней моде. Прежде всего он ударил себя ладонью по дну шляпы котелком и сказал жене:

— Ну-с, Глафира Семеновна, приехали в заграницу. Теперь следует нам свое образование доказывать. Сажайте иностранные слова! Сажайте без всяких стеснений. Жарьте вовсю.

Молодая супруга, одетая тоже по последней моде, смутилась и покраснела.

— А какая это земля? — спросила она.

— Знамо дело — Неметчина. Немец всегда на границе стоит. Помимо немца, ни в какую чужую землю не проедешь. Забирайте свою подушку-то. Мне три не протащить сквозь двери. А насчет саквояжей мы носильщика крикнем. Как носильщик-то на немецкий манер?

— Я, Николай Иванович, не знаю. Нас этим словам в пансионе не обучали. Да и вообще я по-немецки очень плохо... Когда учитель-немец приходил, то у меня всегда зубы болели.

— Как же это так... А говорили, что обучались.

— Я и обучалась, а только комнатные слова знаю. Вот ежели что в комнате или с кем поздороваться и спросить о погоде...

— Странно... сам же я слышал, как вы стихи читали на иностранном диалекте.

— То по-французски. Вот ежели по-французски придется, то я больше знаю.

— Как тут в немецкой земле по-французски! Здесь за французский язык в участок могут сволочь. Немец страх как француза не любит. Ему француз — что таракан в шах. Эй, носильщик! — кричит купец. — Гут морген... Как вас?.. Коммен зи... Наши чемоданы. Бринген зи...¹ Саквояжи..

— Вот видишь, ты и сам немецкие слова знаешь.

— Десять-то слов! На этом не много уедешь. Хмельного я сам попрошу по-немецки, потому хмельные слова я знаю, а остальные ни в зуб. Эй, хер

¹ Доброе утро... Идите... Несите (нем.). — Здесь и далее при переводе ошибки в иностранных языках не отражены.

носильщик! Хер — это по по-ихнему господин. Почтивее, так, может, лучше... Хер носильщик! Нейдет, подлец! В другой вагон пропер. Неужто самому придется переть?.. Вытаскивай подушки, а я саквояжи... Тащи! Чего же стала?

— Да видишь, главная подушка не пролезает. Надо по одной штуке...

— И к чему только ты три подушки с собой забрала!

— Да я не могу на одной спать. Голова затекает. И наконец, ведь не знаешь, куда едешь. Может быть, там и вовсе без подушек..

— Брось подушки. Давай я их вытащу... Ну пропихивай сзади, пропихивай... Вот так... Ведь таможня здесь. Не стали бы немцы подушки распарывать и искать в них? Ведь целые перины мы притащили. Не сочли бы за мешки с товаром. Хоть сказать им, что это подушки. Как подушки-то по-немецки?

— Не знаю.

— Здравствуйте! А сейчас хвасталась, что все комнатные слова знаешь. Ведь подушка — комнатное слово.

— Знала, да забыла. И чего вы на меня сердитесь. Ведь вы и сами не знаете!

— Я другое дело. Я специалист по хмельным словам. Вот в буфете я в лучшем виде... «Бир-тринкен... Шнапс-тринкен... Зейдель... фляше...¹ бутерброд»... и, наконец, я в пансионе не обучался. Немецким словам я выучился у немцев-колонистов, которые приезжают к нам в лавку веревки, парусину и гвозди покупать. «Ейн, цвей, дрей, фир, фир рубль, цванциг копекен»². Считать по-немецки тебе что угодно вы-

¹ Пиво пить... шнапс пить... Кружка... бутылка... (нем.)

² Один, два, три, четыре, четыре рубля, двадцать копеек (нем.).

считаю, а других я слов не знаю. Ну, постой тут около подушек, а я саквояжи вытащу. Эй, хер носильщик! Нумер ейн унд цванциг. Коммен зи!¹ — снова начал кричать купец и манить носильщика.

Носильщик наконец подошел, взял вещи и понес их. Купец и его супруга тащили сзади подушки, зонтики, плед и ватное стеганое одеяло.

— Zollamt... jetzt ist Zollamt... Koffer haben Sie, mein Herr?² — спрашивал носильщик купца.

— Черт его знает, что он бормочет! — воскликнул купец. — Глафира Семеновна, понимаешь? — обратился он к жене.

— Да, должно быть, на чай просит. Дай ему, — отвечала та.

— Ну народ! Даже двугривенного не хотят поверить и вперед деньги требуют. Бери, бери... Вот три гривенника. Не надувать сюда приехали. Мы в Петербурге в полном доверии. У меня по банкам на полтора-ста тысяч векселей гуляет...

Носильщик денег не брал и говорил:

— Nachher, nachher werden Sie zahlen...³

— Глаша! Не берет. Неужто двух пятиалтынных мало? — недоумевал купец. — Иль, может быть, ему немецкие деньги надо?

— Да конечно же, он немецкие деньги требует.

— Дейч гельд хочешь? Дейч надо разменять. Где тут меняльная лавка? Надо разменять. Понимаешь? Ничего не понимает. Глаша! да скажи ему по-немецки, как вас учили. Чего ты стыдишься-то! Ну, как по-немецки меняльная лавка? Сади!

¹ Двадцать один! Несите! (нем.)

² Таможня... теперь таможня... У вас есть чемоданы, сударь? (нем.)

³ После, после заплатите (нем.).

— Ах, боже мой! Ну что ты ко мне пристаешь-то!

— Ничего не знает! А еще у мадамы училась.

— Меняльную лавку вы найдете в вокзале. Там еврей вам и разменяет, — слышалось сзади по-русски.

Говорил какой-то господин в войлочной дорожной шапочке. Купец обернулся и сказал:

— Мерси вас... Удивительно, как трудно без немецкого языка... Ничего не понимают. Будьте добры сказать этой колбасе, что он на чай в лучшем виде получит, как только я разменяю русские деньги. Ну вот... Еще мерси вас... Извините... А как по-немецки меняльная лавка, чтобы я мог спросить?

— Вексельбуде... Но еврей, который будет менять вам деньги, говорит по-русски.

— Анкор мерси¹ вас... Вексельбуде, вексельбуде, — твердил купец. — Запомни, Глаша, как меняльная лавка называется, а то я впопыхах-то могу забыть. Вексельбуде, вексельбуде.

У дверей в вокзале стояли прусские жандармы и таможенные чиновники отбирали паспорта и пропускали пассажиров по очереди.

— Эх, следовало бы захватить с собой в дорогу Карла Адамыча для немецкого языка, — говорил купец. — Он хоть пропойный человек, а все-таки с языком. Приодеть бы его в мое старое пальтишко, так он и совсем бы за барина сошел. Только ведь дорога да выпивка, а ест он самые пустяки. Положительно следовало бы его взять, и в лучшем бы виде он по-немецки бормотал.

— Так отчего же не взял? — сказала жена.

— А не сама ли ты говорила, что я с ним с кругу сбиться могу? Я на твое образование надеялся, думал, что ежели уж у мадамы в пансионе училась и немецкие

¹ Еще раз спасибо (*фр.*).

стихи знаешь, так как же немецких-то слов не знать; а ты даже без того понятия, как подушка по-немецки называется.

— Тебе ведь сказано, что я политические слова знаю, а подушка разве политическое слово.

— Врешь! Ты даже сейчас хвасталась, что комнатные слова знаешь.

— Фу, как ты мне надоел! Вот возьму да назло тебе и заплачу.

— Да плачь. Черт с тобой!

Жена слезливо заморгала глазами. Купец проталкивал ее вперед.

— Пасс!¹ — возгласил жандарм и загородил ей дорогу.

— Глаша! Что он говорит? Чего ему нужно? — спрашивал у жены купец.

— Отстань. Ничего не знаю.

— Пасс! — повторил жандарм и протянул руку.

— Ну, вот извольте видеть, словно он будто в винт играет: пасс да пасс.

— Отдайте свой паспорт. Он паспорт требует, — сказал кто-то по-русски.

— Паспорт? Ну так так бы и говорил, а то — пасс да пасс... Вот паспорт.

Купец отдал паспорт и проскользнул сквозь двери. Жену задержали и тоже требовали паспорт.

— Глаша! Чего ж ты?.. Иди сюда... Глафира Семеновна! Чего ты стала? — кричал купец.

— Да не пускают. Вон он руки распространяет, — отвечала та. — Пустите же меня! — раздраженно рванулась она.

— Пасс! — возвысил голос жандарм.

¹ Паспорт! (нем.)

— Да ведь я отдал ейный паспорт. Жена при муже. Жена в моем паспорте... Паспорт у нас общий... Это жена моя... Послушайте, хер... Так не делается... Это безобразие... Ее паспорт. Ейн паспорт на цвей, — возмутился купец.

— Я жена его... Я фрау, фрау... А он муж... Это мой мари... мон мари...¹ — бормотала жена.

Наконец ее пропустили.

— Ну народ! — восклицал купец. — Ни одного слова по-русски. А еще, говорят, образованные немцы! Говорят, куда ни плюнь, везде университет или академия наук. Где же тут образование, спрашивается?! Тьфу, чтобы вам сдохнуть!

Купец плюнул.

Таможня

Николай Иванович и Глафира Семеновна, запыхавшиеся и раскрасневшиеся, сидели уже в прусском вагоне. Перед ними стоял немец-носильщик и ждал подачки за принесенные в вагон мешки и подушки. Николай Иванович держал на ладони горсть прусских серебряных монет, перебирал их другой рукой и решительно недоумевал, какую монету дать носильщику за услугу.

— Разбери, что это за деньги! — бормотал он. — Одни будто бы полтинники, а другие, которые побольше, так тоже до нашего рубля не хватают! Потом мелочь... На одних монетах помечено, что десять, на других стоит цифра «пятьдесят», а обе монетки одной величины.

— Да дай ему вот вроде полтины-то! — сказала Глафира Семеновна.

¹ Мой муж (*фр.*).

— Сшутила! Давать по полтине, так тоже раздаешься. Эдак и требухи не хватит.

— Ну дай маленьких монет штучки три.

— В том-то и дело, что они разные. Одни в десять, другие в пятьдесят, а величина одна. Да и чего тут десять, чего пятьдесят? Беда с чужими деньгами!

Он взял три монетки по десяти пфеннигов и подал носильщику. Тот скривил лицо и подбросил монетки на ладони.

— Неужто мало? Ведь я три гривенника даю! — воскликнул Николай Иванович и дал еще десять пфеннигов.

Носильщик плюнул, отвернулся и, не приподняв шапки, отошел от вагона.

— Вот так немецкая морда! Сорок ихних копеек даю, а он и этим недоволен. Да у нас-то за сорок копеек носильщики в пояс кланяются! — продолжал Николай Иванович, обращаясь к жене.

— А почему ты знаешь, может быть, ихние копейки-то меньше? — сказала та и прибавила: — Ну да что об этом толковать! Хорошо, что уж в вагоны-то уселись. Только в те ли мы вагоны сели? Не уехать бы куда в другое место вместо Берлина-то?

— Пес их знает! Каждому встречному и поперечному только и твердил, что Берлин, Берлин и Берлин. Все тыкали перстами в этот вагон.

Николай Иванович высунулся из окна вагона и крикнул:

— Эй! хер кондуктор! Берлин здесь?

— О, ja, mein Herr, Berlin.

— Слышишь? Около русской границы и то по-немецки. Хоть бы одна каналья сказала какое-нибудь слово по-русски, кроме жида-менялы.

— Ну вот с жидами и будем разговаривать. Ведь уж жида, наверное, везде есть.

— Да неужто ты, Глашенька, окромя комнатных слов, никакого разговора не знаешь?

— Про еду знаю.

— Ну, слава Богу, хоть про еду-то. По крайней мере, голодом не насидимся. Ты про еду, я про хмельное и всякое питейное. Ты, по крайней мере, поняла ли, что немец в таможне при допросе-то спрашивал?

— Да он только про чай да про табак с папиросами и спрашивал. Те, табак, папирос...

— Ну, это-то и я понял. А он еще что-то спрашивал.

— Ничего не спрашивал. Спрашивал про чай и про папиросы, а я молчу и вся дрожу, — продолжала жена. — Думаю, ну как полезет в платье шупать.

— А где у тебя чай с папиросами?

— В турнюре. Два фунта чаю и пятьсот штук папирос для тебя.

— Вот за это спасибо. Теперь, по крайности, мы и с чаем, и с папиросами. А то Федор Кирилыч вернулся из-за границы, так сказывал, что папиросы ихние на манер как бы из капустного листа, а чай так брандахлыст какой-то. Вот пиво здесь — умопомраченье. Я сейчас пару кружек опрокинул — прелесть. Бутерброды с колбасой тоже должны быть хороши. Страна колбасная.

— Колбасная-то колбасная, да кто их знает, из чего они свои колбасы делают. Может быть, из кошек да из собак. Нет, я их бутербродов есть не стану. Я своих булок захватила, и у меня сыр есть, икра.

— Нельзя же, душечка, совсем не есть.

— Колбасу? Ни за что на свете! Да и вообще не стану есть ничего, кроме котлеты или бифштекса. У них,

говорят, суп из рыбьей чешуи, из яичной скорлупы и из сельдяных голов варится.

— Ну?!

— Я от многих слышала. Даже в газетах читала. А наш жилец-немец — настройщик, что в папенькином доме живет. Образованный немец, а что он ест вместо супа? Разболтает в пиве корки черного хлеба, положит туда яйцо, сварит, вот и суп. Нам ихняя кухарка рассказывала. «Они, говорит, за обе щеки едят, а мне в глотку не идет. Я, говорит, кофейными перераварками с ситником в те дни питаюсь». Я и рыбу у них в Неметчине есть не буду.

— Рыбу-то отчего? Ведь уж рыба все рыба.

— Боюсь, как бы вместо рыбы змеи не подали. Они и змей едят, и лягушек.

— Это французы.

— И французы, и немцы. Немцы еще хуже. Я сама видела, как настройщицкая немка в корзинке угря на обед с рынка тащила.

— Так угря же, а не змею.

— Та же змея, только водяная. Нет, я у них ни рыбы, ни колбасы, ни супу — ни за что на свете... Бифштекс, котлета, булки. Пирогов буду есть, и то только с капустой. Яйца буду есть. Тут уж, по крайней мере, видишь, что ешь настоящее.

— У них и яйца поддельные есть.

— Да что ты! Как же это так яйца подделать?

— В искусственной алебастровой скорлупе, а внутри всякая химическая дрянь. Я недавно еще читал, что подделывают.

— Тьфу, тьфу! Кофей буду пить с булками.

— И кофей поддельный. Тут и жареный горох, и рожь, и цикорий.

— Ну, это все-таки не поганое.

— А масла у них настоящего и нет. Все маргарин. Ведь мы с них пример-то взяли. Да еще из чего маргарин-то...

— Не рассказывай, не рассказывай!.. — замахала руками жена. — А то я и ничего жареного есть не стану.

Поезд тихо тронулся.

— По немецкой земле едем. В царство пива и колбасы нас везут, — сказал Николай Иванович.

На Берлин

Поезд стрелой мчался от Эйдкунена по направлению к Берлину, минуя не только полустанки, но даже и незначительные станции, останавливаясь только на одну или две минуты перед главными станциями. Перед окнами вагонов мелькали, как в калейдоскопе, каменные деревеньки с фруктовыми садами около домиков, гладкие, как языком вылизанные, скошенные луга и поля, вычищенные и даже выметенные рощицы с посаженными рядами молодыми деревцами, утрамбованные проселочные дорожки, пересекающие под мостами железнодорожное полотно. На одной из таких дорог Николай Иванович и Глафира Семеновна увидели повозку, которую везли две собаки, и даже воскликнули от удивления:

— Смотри-ка, Глаша, на собаках бочку везут. Вот народ-то!

— Вижу, вижу. Бедные псы! Даже языки выставили, до того им тяжело. А мужчина идет сзади, руки в карманы и трубку курит. Стало быть, здесь нет общества скотского покровительства?

— Стало быть, нет, а то бы уж член общества сейчас этой самой трубке награждение по затылку сделал; какое ты имеешь собственное право скота мучить! Ну

народ! Собаку — и вдруг в тележку запрячь! Поди-ка выдумай кто другой, кроме немца! У нас это происшествие только в цирке как фокус показывается, а здесь, извольте видеть, на работе. Правду говорят, что немец хитер, обезьяну выдумал.

— Да, может быть, и это какой-нибудь поярец или акробат, с учеными собаками по дворам шляющийся.

— Нет. Тогда с какой же стати у него бочка на тележке и корзина с капустой? Просто это от бедности. Лошадь кормить нечем — ну и ухищряются на собаках... Вон и еще на собаках... Солому везут. Как их на котах не угораздит возить!

— Погоди. Может быть, и запряженных котов увидим.

И опять чистенькие деревеньки с черепичными крышами на домах, с маленькими огородиками между домов, обнесенными живой изгородью, аккуратно подстриженной, а в этих огородах женщины в соломенных шляпках с лентами, копающиеся в грядах.

— Смотри-ка, смотри-ка: в шляпках — и на огородах работают! — удивлялась Глафира Семеновна. — Да неужели это немецкие деревенские бабы?

— Должно быть, что бабы. Карл сказывал, что у них деревенские бабы в деревнях даже на фортепьянах играют, а по праздникам себе мороженое стряпают, — отвечал Николай Иванович.

— Мороженое? Да что ты! А как же у нас рассказывают, что немцы и немки с голоду к нам в Россию едут? Ведь уж ежели мороженое...

— Положим, что от мороженого в брюхе еще больше заурчит, ежели его одного нажраться. Да нет, не может быть, чтобы с голоду... Какой тут голод, ежели в деревнях — вот уж сколько времени едем — ни одной развалившейся избы не видать. Даже соломенных крыш

не видать. Просто-напросто немец к нам едет на легкую работу. Здесь он гряды копает, а у нас придет — сейчас ему место управляющего в имении. Здесь бандурист какой-нибудь и по трактирам за пятаки да за гривенники играет, а к нам придет — настройщик, и сейчас ему по полтора рубля за настройку фортепьян платят.

И опять немки в шляпках и с граблями. На этот раз они стояли около пожелтевшего дуба. Одна немка сбивала граблями с ветвей дуба желтый лист, а другая сгребала этот лист в кучки, запасая материал для листовой земли.

— И на что им этот желтый лист понадобился? Вишь, как стараются собирать! — удивлялась Глафира Семеновна.

— Немец хитер... Почем ты знаешь: может быть, этот лист в какую-нибудь еду идет, — отвечал Николай Иванович. — Может быть, для собак-то вот этих, что телеги возят, еду из листа и готовят.

— Станет ли собака дубовый лист есть?

— С голодухи станет, особенно ежели с овсяной крупой перемешать да сварить.

— Нет, должно быть, это просто для соления огурцов. В соленые огурцы и черносмородиновый, и дубовый лист идет.

— Так ведь не желтый же.

— А у них, может быть, желтый полагается.

— Да ты, чем догадываться-то, понатужься да спроси как-нибудь по-немецки вон у этой дамы, что против тебя сидит и чулок вяжет, — кивнул Николай Иванович на пассажирку, прилежно перебиравшую спицы с серой шерстью. — Неужто ты не знаешь, как и желтый лист по-немецки называется?

— Я же ведь сказала тебе, что нас только комнатным словам учили.

— Ну пансион! А ведь, поди, за науку по пяти рублей в месяц драли!

— Даже по десяти.

Немало удивлялись они и немке-пассажирке, вязавшей чулок, которая, как вошла в вагон, вынула начатый чулок да так и не переставала его вязать в течение двух часов.

— Неужто дома-то у ней не хватает времени, чтобы связать чулки? — сказала жена.

— И хватает, может статься, да уж такая извадка, — отвечал муж. — Немки уж такой народ.. Немка не только что в вагон, а и в гроб ляжет, так и то чулок вязать будет.

А поезд так и мчался. Супруги наелись булок с сыром и икрой. Жажда так и томила их после соленого, а напиться было нечего. Во время минутных остановок на станциях они не выходили из вагонов, чтобы сбегать в буфет, опасаясь, что поезд уедет без них.

— Черт бы побрал эту немецкую езду с минутными остановками! Помилуйте, даже в буфет сбегать нельзя! — горячился Николай Ивановича. — Поезд останавливается, пятьдесят человек выпускают, пятьдесят пассажиров принимают — и опять пошел. Ни предупредительных звонков — ничего. Один звонок — и катать-валяй. Говорят, это для цивилизации.. Какая тут, к черту, цивилизация, ежели человеку во время остановки поезда даже кружки пива выпить нельзя?

— Да, должно быть, здесь такие порядки, что немцы с собой берут питье, — говорила Глафира Семеновна. — Они народ экономный.

— Да ведь не видать, чтобы пили в вагонах-то. Только сигарки курят да газеты читают. Вот уж сколько проехали, а хоть бы где-нибудь показалась бутылка. Бутерброды ели, а чтобы пить — никто не пил. Нет, у нас на этот счет куда лучше. У нас придешь на станцию-то,

так стоишь, стоишь — и конца остановки нет. Тут ты и попить, и поесть всласть можешь, даже напиться допьяна можешь. Первый звонок — ты и не торопишься, а идешь либо пряники вяземские себе покупать, а то так к торжковским туфлям приторговываешься; потом второй звонок, третий, а поезд все стоит. Когда-то еще кондуктор вздумает свистнуть в свистульку машинисту, чтобы тот давал передний ход. Нет, у нас куда лучше.

Новая остановка. Станция такая-то, кричит кондуктор и прибавляет: «Zwei minuten».

— Опять цвей минутен, черт их возьми! Когда же душу-то отпустят на покаяние и дадут такую остановку, чтобы попить можно! — восклицал Николай Иванович.

— Да дай кондуктору на чай и попроси, чтобы он нам в вагон пива принес, — посоветовала ему жена. — За стекло-то заплатим.

— Попроси... Легко сказать — попроси... А как тут попросишь, коли без языка? На тебя понадеялся как на ученую, а ты ни в зуб толкнуть по-немецки...

— Комнатные слова я знаю, а тут хмельные слова. Это по твоей части. Сам же ты хвастался, что хмельные слова выучил в лучшую, — ну вот и попроси у кондуктора, чтобы он принес пива.

— А и то попросить.

Николай Иванович вынул из кармана серебряную марку и, показывая ее пробежавшему кондуктору, крикнул:

— Эй, хер!.. Хер кондуктор! Коммензи... Вот вам немецкая полтина... Дейч полтина... Бир тринкен можно? Брингензи бир... Боюсь выйти из вагона, чтоб он не уехал... Два бир... Цвей бир... Для меня и для мадам... Цвей бир, а остальное — немензи¹ на чай...

¹ Возьмите (нем.).